

DOI: 10.17516/1997-1370-0905
УДК 94(470+574)

The city in Nation-Building Projects: Soviet Autonomy in Siberia and Sovereign Kazakhstan

Aleksandr N. Alekseenko^a, Zhanna S. Aubakirova^a
and Viktor I. Dyatlov^{b*}

^a*Sarsen Amanzholov East Kazakhstan University
Kamenogorsk, Kazakhstan*

^b*Irkutsk State University
Irkutsk, Russian Federation*

Received 29.12.2021, received in revised form 17.01.2022, accepted 07.02.2022

Abstract. The most important part of the Soviet socialist transformation, and after the collapse of the USSR, of its sovereign heirs, are nation-building projects. With huge, essential differences, they are brought together by a genetic connection with the Soviet past, the tools of social engineering and the format of state projects, the ethnic basis for understanding the nation being formed. Different in time and implemented by different actors, the Soviet and sovereign projects have similar roles of cities as a key instrument for the production of the nation. The purpose of the article is to compare the role of provincial cities in two projects carried out by the central authorities. For the Soviet era – the regional town of Verkhneudinsk, appointed to be the capital of Soviet Buryatia. On the example of Ust-Kamenogorsk in sovereign Kazakhstan – the implementation of the project of forming a nation-state in one of the regions of the country is considered. Different mission sources, different times and contexts – but a common situation where an ethnically and culturally different city must transform patriarchal traditionalist rural societies into modern nations, if using the well-known metaphor of the transformation of «peasants into French». Receiving new functions from the authorities, changing society, cities themselves are radically changing both in terms of the composition of the population and the nature of relationships in the urban community. They attract the «titular» rural population and form communities of a new type – «urban Buryats» and «urban Kazakhs». Their urban culture is created as a result of a complex synthesis of Russian and their own language and culture within the rigid framework of the urban economy, social structure, and lifestyle. New waves of rural migrants bring with them elements of traditionalism and a trend towards ruralization. There is a dynamic, often conflicting interaction between Russians, titular townspeople and newcomers – rural migrants within the framework set by the city and the policy of the authorities.

Keywords: nation-building, project, city, capital of autonomy, Ulan-Ude, Ust-Kamenogorsk, rural migrants, ethnicization of urban space.

© Siberian Federal University. All rights reserved

* Corresponding author E-mail address: vikdyatlov@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-1169-412X (Alekseenko); 0000-0003-1179-5518 (Aubakirova); 0000-0003-3584-6009 (Dyatlov)

The article was prepared with the support of: RFBR, project No. 20-011-00282 “Private sector” of the regional capitals of Siberia and the Far East: the structure and practices of everyday life of “non-urban” communities” in terms of research in Russia; Grant research project “Assessment of the level of demographic security of the Republic of Kazakhstan (ARO8856205)”, funded by the Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan in terms of research in Kazakhstan.

Research area: history of the fatherland.

Citation: Alekseenko, A.N., Aubakirova, Z.S., Dyatlov, V.I. (2022). The city in nation-building projects: Soviet autonomy in Siberia and sovereign Kazakhstan. J. Sib. Fed. Univ. Humanit. soc. sci., 15(2), 204–219. DOI: 10.17516/1997-1370-0905

Город в проектах нациестроительства: советская автономия в Сибири и суверенный Казахстан

А.Н. Алексеенко^а, Ж.С. Аубакирова^а, В.И. Дятлов^б

*^аВосточно-Казахстанский университет имени Сарсена Аманжолова
Казахстан, Усть-Каменогорск*

*^бИркутский государственный университет
Российская Федерация, Иркутск*

Аннотация. Важнейшей частью советской социалистической трансформации, а после распада СССР – его суверенных наследников, являются проекты нациестроительства. При огромных, сущностных различиях, их сближает генетическая связь с советским прошлым, инструментарий социальной инженерии и формат государственных проектов, этническая основа понимания формируемой нации. Разведенные во времени и осуществляемые разными акторами советский и суверенные проекты объединяет роль городов как ключевого инструмента по производству нации. Задача статьи – сравнить роль провинциальных городов в двух проводимых центральными властями проектах. Для советской эпохи – уездного Верхнеудинска, назначенного быть столицей советской Бурятии. На примере Усть-Каменогорска суверенного Казахстана рассматривается реализация проекта формирования нации-государства в одном из регионов страны. Разные источники миссии, разные времена и контексты – но общая ситуация, где этнически и культурно иной город должен, используя известную метафору о трансформации «крестьян во французов», превратить патриархальные традиционалистские сельские общества в современные нации. Получая от власти новые функции, меняя общество, города сами радикально меняются как по составу населения, так и по характеру взаимоотношений в городском сообществе. Они притягивают «титольное» сельское население и формируют общности нового типа – «городских бурят» и «городских казахов». Их городская культура создается как результат сложного синтеза русского и собственного языка и культуры в жестких рамках городской экономики, социальной структуры, образа и стиля жизни. Новые волны сельских мигрантов приносят с собой элементы традиционализма и тенденцию к аграризации. Происходит динамичное, часто конфликтное взаимодействие

русских, титульных горожан и новичков – сельских мигрантов в рамках, задаваемых городом и политикой власти.

Ключевые слова: нациестроительство, проект, город, столица автономии, Улан-Удэ, Усть-Каменогорск, сельские мигранты, этнизация городского пространства.

Статья подготовлена при поддержке: РФФИ, проект № 20–011–00282 «Частный сектор» региональных столиц Сибири и Дальнего Востока: структура и практики повседневности «негородских» сообществ» в части исследований в России; Грантовый научный проект «Оценка уровня демографической безопасности Республики Казахстан (АРО8856205)», финансируемый Комитетом Министерства образования и науки Республики Казахстан в части исследований в Казахстане.

Научная специальность: отечественная история.

Важнейшей частью советской социалистической трансформации был проект нациестроительства. В его меняющихся со временем задачах были как создание «новой исторической общности – советского народа», так и – на пути к этому – развитие, а иногда и формирование локальных этнонаций. Важнейшим инструментом стало административно-политическое районирование страны по этническому принципу и институционализация этничности в целом. После распада СССР проекты по выстраиванию наций продолжились внутри суверенных государств. При огромных существенных различиях в них много общего: генетическая связь с советским прошлым, инструментарий социальной инженерии, государственный формат, этническое понимание нации.

Разведенные во времени и осуществляемые разными *акторами* советский и суверенные проекты объединяет понимание роли городов как ключевого механизма формирования нации. Получая от власти новые функции, города сами радикально меняются как по составу населения, так и по характеру взаимоотношений в их обществе.

Мы попытались сопоставить развитие двух провинциальных городов: уездного Верхнеудинска, назначенного в советскую эпоху – быть столицей советской Бурятии (перед ним стояла задача выращивания «социалистической нации» из разобщенного по племенам сельского бурятского населе-

ния) и Усть-Каменогорска, который в суверенном Казахстане призван участвовать в формировании нации-государства в одном из регионов.

Оба проекта базируются на этническом принципе, который заложен в основу и властных отношений, и структур повседневности. При общности стратегии этнокультурные задачи были поставлены разные. В советском варианте предполагалось на базе традиционной неписьменной культуры выстроить культуру высокую, создав для этого единый литературный бурятский язык и массовую литературу на нем, причем в многонациональном государстве, где русская культура и язык были общей платформой взаимодействия, управления и модернизации.

В Казахстане аналогичная задача была уже решена, поэтому основная цель состоит в том, чтобы привнести в европеизированный город основы традиционной культуры. Для создания нации город (при опоре на вчерашнее сельское население) должен выстраиваться с учетом казахских традиций, обычаев.

Разные миссии, разные времена и контексты – но похожая ситуация, в которой этнически и культурно *иной* город должен, используя известную метафору о трансформации «крестьян во французов», превратить патриархальные традиционалистские сельские общества в современную нацию.

Здесь мы прослеживаем перемены в городском пространстве, характере отноше-

ний и связей, вызванные реализацией этой программы, и ставим вопрос: насколько успешный и динамичный путь от Верхнеудинска к Улан-Удэ в Бурятии воспроизводим в Усть-Каменогорске? Каковы перспективы города – его языка, культуры, образа жизни, социальной и этнической структуры, характера взаимоотношений и социальных связей – в контексте нациестроительства?

Улан-Удэ – «советская столица национальной республики»

Процессы нациестроительства в советской Бурятии (Varnavskii et al., 2003; Skrynnikova et al., 2004; Amgolonova et al., 2005), динамика развития ее столицы (Istoriya Buryatii, 2011; Ulan-Udeh – 350, 2016; Panarin, 2005: 23–94; Baldano et al., 2017: 225–235) хорошо изучены. Мы рассмотрим роль столичного города в деле трансформации сельских полукочевых, разбросанных на огромных территориях племен в современную городскую общность.

В рамках советского проекта уездному торговому Верхнеудинску (с минимальным присутствием титульного населения, русскому по составу населения и культуре) было поручено стать столицей создаваемой бурятской национальной автономии. Патерналистскую функцию по выращиванию коренной политической и культурной элиты выполняли уполномоченные центральной властью представители (русские или русифицированные). Наличие или отсутствие национальных кадров учитывалось, но не имело первостепенного значения.

Какие же ресурсы имел для этого город? От прошлого ему досталась инфраструктура, в т. ч. железная дорога и депо, некоторая промышленность, развитая торговля, соответствующее население, пусть и уменьшившееся во время гражданской войны. Присутствовал немногочисленный, но мощный по интеллектуальному потенциалу активный слой европейски образованной (через русский язык, культуру и систему образования) бурятской интеллигенции, которая получила большой политический опыт и влияние в ходе революции и во времена Дальневосточной республики.

Тогда же подросла и коммунистическая бурятская элита, возглавившая проект. Национальный эксперимент советской власти объединил этот слой и город (Buriaty..., 2017). На выбор повлияло также срединное положение между разделенными огромными пространствами и культурными различиями восточными и западными бурятами.

Центральная власть наделяла столицы автономий дополнительными политическими и материальными ресурсами. Более высокий, чем у обычного областного центра, статус давал особое представительство на федеральном уровне (что открывало лоббистские возможности городу и представителям местной элиты), дополнительное финансирование соответствующих функций (наличие республиканского правительства, министерств и т. д.).

Формировалась особая инфраструктура города – политическая, образовательная, культурная. Создавались лифты (социальные, образовательные, карьерные) для титульного населения республики. В целях коренизации для него выделяли квоты при формировании властных структур, научной и творческой интеллигенции – вплоть до квот на бирже труда в период нэпа. Всю советскую эпоху существовали квоты для обучения в вузах центральных городов. Коренизация (Martin, 2011) – не просто прагматически циничный (для обеих сторон) временный союз советской власти с национальными элитами для победы в гражданской войне и не только инструмент продвижения идеи мировой революции. Выращенные посредством этой политики социалистические национальные кадры виделись инструментом установления внутреннего контроля и глубинной советизации формируемых наций, механизмом их модернизации и интеграции в советскую социалистическую общность.

Показательны неотъемлемые черты статусного города того времени, его «визитная карточка»: правильная планировка улиц, многоэтажные дома с современными удобствами, памятники (хотя бы в центре, который зачастую создавали заново). Стандартный комплект столицы включал

полный набор бюрократических структур с соответствующим штатом чиновников и служащих, систему высшего образования, театры, музеи, национальную прессу и издательство. Создавались активные и влиятельные творческие организации, академические институты с разными перечнями специальностей, но с обязательным гуманитарным компонентом. Педагогический институт (позднее – университет) и исследовательский институт гуманитарного профиля не только готовили кадры для модернизации, но и вносили огромный вклад в формирование и консолидацию местной административно-политической и культурной элиты.

Со временем прежние задачи стали неактуальными или считались решенными. Зато росло опасение по поводу набравших силу элит, имевших ресурс национальной мобилизации, вследствие чего проходили регулярные «чистки» и приступы борьбы с буржуазным национализмом. Но сворачивание курса на коренизацию не ликвидировало статуса национальных столиц. Их инфраструктура продолжала воспроизводить культурные и административные элиты и национальные дискурсы, формировать нации дальше.

В принципе, процесс нациестроительства бесконечен, но результаты советского проекта оценить можно. Индикаторами здесь будут следующие:

- урбанизированность (доля горожан в составе титульного населения республики);
- доля титульного населения в составе жителей столичного города:
 - уровень его образованности (сравнительно с русским населением);
 - доля в численности элиты города (властной, образовательной, культурной);
 - социально-профессиональная структура и место в городском разделении труда;
 - характер и уровень традиционалистских связей и отношений, их место в регулировании экономических, политических, культурных взаимоотношений и связей горожан;

- роль религии как маркера и механизма воспроизводства этнической культуры;
- язык городской жизни (русский или/и титульный);
- массовая культура (соотношение русского, общесоветского и коренного элементов);
- потенциал этнополитической мобилизации.

Верхнеудинск сменил название, став Улан-Удэ. Помимо этого произошли изменения в этническом составе и социальной структуре в связи с массовым притоком нового населения, значительную часть которого составляли буряты. За 1989–2002 гг. доля этой группы в населении Бурятии выросла с 24 % (249500) до 28 % (272910), а в Улан-Удэ – с 21 % (74243) до 29 % (103742) (Petrova, 2009: 109–110).

В тот же период сложилась классическая городская инфраструктура столицы: от органов власти до музеев и театров. Специально формировались новые социально-профессиональные группы: номенклатура, интеллигенция, городские средние слои, рабочие. Сельское же население стало материалом для социальной инженерии. И все это происходило в контексте социалистической индустриализации.

Со временем появилась многоуровневая система образования – от детских садов до высших учебных заведений. По данным переписи 1970 г., доля лиц с высшим образованием у бурят составила 54 человека на 1000 (у русских же – 27 человек). В 1994–1995 учебном году буряты составляли 54,6 % студентов республики, их доля среди преподавателей вузов – около 70 % (Varnavsky, 2003: 107–132, 111, 115). Одним из следствий этого стал высокий уровень социальной мобильности.

По данным Комитета госслужбы, кадровой политики по работе с местными администрациями РБ (1995 г.), доля бурят среди руководителей министерств, госкомитетов и их подразделений была 52–65 %, среди судей городских судов – 71 %, в налоговых инспекциях – 72 %, в Бурятском научном центре – 68–82 % (Petrova, 2009:

144). По оценке Ю. Б. Рандалова, среди собственников и руководителей закрытых акционерных обществ (АО) 62 % являются бурятами, в открытых АО – 40 %, в обществах с ограниченной ответственностью (ООО) – 47 %. Также буряты составляют 52 % руководителей индивидуальных частных предприятий, 71 % владеет крестьянскими фермерскими хозяйствами (Buriaty, 2004: 569).

Одновременно развивается литературный бурятский язык, на котором публикуются СМИ и художественная литература. Благодаря этому выстраивается соответствующая издательская база. Устный народный эпос «Гэсер» становится письменным текстом, литературным произведением современного типа, базовым и унифицированным фундаментом культурной традиции нации. Огромное значение придается его переводам на русский язык (Dugačov, 2007: 5–11).

Известный бурятский ученый и общественный деятель Т. М. Михайлов констатировал: «Буряты... в большинстве своем остались на земле предков, сохранили свой Дом. Под этим домом подразумевается, по сути, Республика Бурятия с ее центром – городом Улан-Удэ, ибо здесь средоточие национального духа» (Mikhailov, 1996: 18–25).

Столичные функции способствовали радикальной реорганизации городского пространства. Формировались элементы и маркеры не только социальной, но и этнической сегрегации. Старый Верхнеудинск (32616 жителей в 1929 г.) состоял из деревянных (96 %) одноэтажных (95 %) домов, где не было водопровода, канализации (к 1940 г. электрифицировано только 40 % квартир и домов). Каменными были несколько многоэтажных купеческих домов, магазины и лавки, Гостиный двор на центральной площади, базарная площадь, одноэтажные присутственные места, несколько храмов (Plekhanova, 2016: 64–69; Breslavskii, 2012: 22–30).

Постепенно на окраине старого города был выстроен новый центр в конструктивистском стиле из комплекса администра-

тивных зданий и культурных учреждений. Он символично расположен на возвышенности над традиционным центром и продолжается Проспектом Победы с «домами специалистов» для формирующейся элиты, преимущественно (но не обязательно) бурятской. На многих его домах – «сталинках» стены покрыты мемориальными досками, отражающими всю политическую и культурную историю республики. Это символ «настоящего города», контрастирующий с «частным сектором» (Alekseeva, Galindabaeva, 2014: 20–32).

В послевоенные годы начался массовый приток сельских мигрантов. Зачастую они концентрировались в отдельных районах, обычно пригородных. Б. Жимбиев описывает ситуацию, когда в 1960-е годы захватным методом возник пригород, получивший характерное неофициальное название «Шанхай». В основном его населяли буряты, которые воспроизводили элементы деревенской жизни – вплоть до содержания домашнего скота (Zhimbiev, 2000: 60).

Так формировались символы не только социальной, но и этнической сегрегации. С одной стороны, пригороды, заселяемые мигрантами из деревень (не обязательно, но по преимуществу бурятами), с другой – элитные дома специалистов с преобладанием бурят.

Этническое маркирование элитных или, напротив, маргинальных городских районов было, конечно, совершенно неофициальным и во многом стереотипным. Но оно соответствовало общему тону отношений и взаимодействий, в основе которых лежал принцип институционализации этничности. Официальные открытые (это важно для советского периода) установки на квоты для «националов» в составе элиты, этнически маркированные льготы и ограничения делали привычным и законным подобный взгляд и в других сферах жизни.

Учет этнической принадлежности на всех уровнях (официальных и неофициальных) становился нормой. Здесь возникает вопрос о наличии (или отсутствии) как минимум двухобщинного населения, в ко-

тором взаимоотношения между горожанами, их социальные связи детерминируются принадлежностью к группе, причем у каждой общины есть свои символы, лидеры, сети и отношения, зачастую – ниши в разделении труда, а также этнически окрашенные районы города, организованные по национальному признаку кланы – в политике, администрировании, профессиональной сфере, в криминале или молодежных группировках.

Вряд ли существует однозначный ответ на этот вопрос в силу текучести ситуация. Скорее можно говорить о противоречивых и не ярко выраженных тенденциях. На ранних этапах урбанизации буряты были новичками в городской жизни и культуре, хотя и с элитным статусом титульного населения. Они были и остаются в количественном меньшинстве. Им были свойственны социальные (элита – пауперы) и культурные (образованные – необразованные) разрывы. Горожане сложно относятся к сельским мигрантам-бурятам, которых часто пренебрежительно называют головарами (Buriaty, 2008: 133–148). Вместе с тем у приезжих существует острая потребность в совместных усилиях и коллективистских практиках для адаптации к городской жизни и для освоения ее ресурсов. Отсюда – активизация и инструментарное использование родоплеменных и семейных сетей и связей поверх социальных и культурных границ.

По словам польского антрополога Збигнева Шмыта, «... практика родства и этнических связей конституирует бурятских мигрантов в группу. С другой стороны, элементы, приписываемые этнической группе, такие как язык, религия, традиции хозяйствования, могут исчезнуть или быть заменены в чистый символ – признак группы. Но все-таки я не представляю себе бурята, который перестал бы спрашивать – «Ты с какого района?»» (Shmyt, 2013: 178).

В 1990-е годы эти неформальные отношения были институционально оформлены созданием землячеств, зарегистрированных в качестве юридических лиц. По оценке Кэролайн Хамфри, «... хотя их

публичные цели обычно связаны с развитием культуры, они играют также роль сетей взаимопомощи и инструмента лоббирования» (Humphrey, 2010: 125). Несмотря на то что землячества как территориально-родовые группы жестко привязаны к определенным внегородским территориям, их реальные центры и лидеры концентрируются в Улан-Удэ. Отношение к ним довольно противоречиво. Для многих они выступают в качестве инструмента этнокультурной консолидации, маркера этнической идентичности. Но есть и оценка землячеств как проявления трайбализма, родового противостояния, препятствия на пути этнической консолидации (Buriaty, 2004:577–587).

Не менее сложна и противоречива оценка этнической составляющей в деятельности молодежных группировок 1970–1980-х годов, которые были важным институтом социализации нескольких поколений горожан (Karbainov, 2009:132). Не случайно изложение в одной из газет города (Makhachkeev, 2010) текста статьи Кэролайн Хамфри по этой теме вызвало бурную и нервную дискуссию в интернете. Протест вызвал тезис о том, что «корни феномена – в конфликте между русской рабочей молодежью («городские») и бурятскими парнями из окружающей сельской местности («деревенщина»). Последние, в ответ на «расистское» презрение со стороны русских, демонстративно называли себя восточными кличками – «чанкайшистами» или «хунхузами» (Humphrey, 2010: 269). Масса откликов ветеранов движения и серия исследовательских статей (авторами некоторых были тоже ветераны) говорит скорее в пользу оценки Николая Карбаинова: «Если в 1960–1970-х годах для движений улан-удэнской молодежи было характерно деление их по социально-этническому принципу, когда чавы – это в основном жители рабочих поселков, русские, а чувачи – жители благоустроенных районов, буряты, то в 1980-х годах состав группировок становится всё более и более смешанным, вне зависимости от социального и этнического происхождения» (Karbainov, 2009: 140).

С развитием рыночных отношений меняется конфигурация внутренних границ от внутригородского противостояния по районному и/или этническому принципу к отторжению «головаров» – новичков, сельских парней, агрессивно осваивающих городское пространство. И здесь стоит привести большую, но важную и яркую цитату из монографии бурятских исследователей: «Новая волна (точнее было бы сказать, цунами) сельской миграции в город в постсоветских условиях рыночной экономики резко изменила ситуацию явного и неявного противостояния... Сегодня сельская молодежь, бросая вызов устоям городской культуры, делает это как будто в отместку за свою былую и вынужденную маргинальность. Свою чуждость нормам и условностям городской культуры они выражают в весьма агрессивной, вызывающей форме или, во всяком случае, настойчиво подчеркивают ее ... В этом кураже сельчан культивируется комплекс абсолютной полноценности». Ответную агрессивность и неприязнь среди городской молодежи «вызывают не вообще сельские жители (половину сельского населения Бурятии составляют русские старожилы и староверы), а именно выходцы из бурятских улусов» (Buriaty, 2008: 141–142).

Городская культура функционирует на базе русского языка, который, будучи языком всего городского сообщества, а не отдельной этнической группы, детенизируется, перестает восприниматься как собственность или маркер отдельных этнических групп или даже лингвафранка. Многие горожане говорят по-бурятски, во время переписей населения называют его родным, но, как отмечает крупнейший специалист по этой проблеме Г. А. Дырхеева, «... при относительно высоком проценте признавших родным бурятский язык количество активно им владеющих резко сократилось» (Dyrkheeva, 2002: 31). Это можно интерпретировать как манифестацию этнической идентичности, показатель того, что переход на русский язык не признак ассимиляции, а показатель нового, синте-

тического качества бурятского сообщества. Есть, однако, и устойчивое мнение о том, что потеря бурятского языка, даже двуязычие с преобладанием русского языка – это прямой путь к ассимиляции (Dyrkheeva, 2003; Dyrkheeva, 2002; Iazykovie soznanie, 2016).

Довольно многочисленные бурятские мигранты в странах Европы и Америки могут в зависимости от ситуации идентифицировать себя в качестве русских (выходцы из России, русскоязычные), монголов (как части монгольского культурного мира), сибиряков, буддистов и, конечно, бурят. Они воспроизводят и земляческий принцип самоорганизации, но уже по стране проживания (Migratsii i diaspori, 2017: 102–118).

Процессы модернизации ведут к формированию устойчивых групп городского населения поверх этнических границ – по уровню и качеству образования, по профессии и сфере занятости. И без того не очень отчетливое этническое разделение труда в городской экономике постепенно размывается. Высокий уровень урбанизированности, образованности и профессиональной конкурентоспособности может вести к индивидуализации, утере интереса к жизненно важной ранее роли общинных связей при адаптации к городской жизни. Укрепление индивидуально выстраиваемых взаимоотношений по профессии, образованию, социальному статусу и т. д., конечно, не мешает использованию в городской жизни родоплеменных и семейных связей – как дополнительного инструмента в борьбе за городские ресурсы.

Явно выражена тенденция формирования территориального сообщества, оценивающего столичный статус в качестве общего и ценного ресурса всех горожан, независимо от этничности. В качестве показателя можно назвать болезненную, этнически не окрашенную реакцию на идею губернизации, укрупнения регионов, на тенденцию к утрате символических маркеров федерализма.

В любом случае языковая и социокультурная ситуация, отражающая глубокие процессы преобразований в городе, не спо-

способствует формированию двухобщинной модели взаимоотношений.

Усть-Каменогорск в проекте суверенного нациестроительства

В основу развития суверенного Казахстана положен проект формирования современной нации на этнической казахской основе. Огромным препятствием для этого была социально-демографическая структура, так как большинство казахов проживало в селе. Городские сообщества, где они были в меньшинстве, формировались на основе русского языка и культуры. И хотя задачи создания единого литературного казахского языка, высокой и массовой культуры, системы образования, национальной элиты были решены в советскую эпоху, это не привело к консолидации общества.

«Советский модернизационный проект в Казахстане... разделил казахов на два не связанных между собой мира. В одном из них осталась традиционная казахская культура, в другом возникла русифицированная культура советского индустриального города... Русифицированный город был отключен от казахского мира» (Kadyrzhanov, 2019). По словам Олжаса Сулейменова, «... в ауле традиционно сильно родоплеменное сознание. Если ты с детства погружен в никем не разбавленную казахскую среду, ты и не знаешь, что ты казах. Этот обобщающий этноним в твоём сознании занимает не первое место. Прежде всего – имя рода, потом – племени. А тот, кто родился и вырос в городе, с малых лет приучается осознавать себя казахом ... Таким образом, в Казахстане аул воспитывает родоплеменное сознание, город – национальное и, вместе с тем, интернациональное» (Sultanbaeva, 2019).

Для реализации суверенного проекта нациестроительства требовалось добиться количественного преобладания казахов, урбанизировать их, создать в городах казахское большинство, «... отражающее традиции казахского народа» (Baiandarov, 2010). Это могли сделать сельские жители, являющиеся, по словам Н. А. Назарбаева,

«генетическим олицетворением нации» (Nazarbaev, 2002). «Казахский мир» должен прийти в русифицированный город и, адаптируясь, изменить его: «40 % населения на селе, как у нас, не должно быть. Такого нет нигде в мире. Может остаться 15–20 %, и мы должны быть готовы к этому» (Nazarbaev, 2003).

За счет высокой рождаемости, этнически выраженной иммиграции, оттока неказахского населения в 1989–2009 гг. удельный вес казахов в общей численности населения вырос с 39,7 % до 63,1 %, в городском населении – с 26,6 % до 55,9 % (Statisticheskii, 1991: 7–9; Perepis', 2010: 11–23). Их доля среди студентов выросла за 1970–1989 гг. с 40 % до 54,2 % (Narodnoe khoziaistvo, 1990: 218; Itogi, 1992: 176–185), к 2020 г. – до 86,5 % (429353 из 486209 человек).

Изменялась структура занятости. В 1989 г. в промышленности было занято всего 13 % казахов (Itogi, 1992: 3). Согласно переписи 2009 г., их доля в государственных структурах составляла 73,9 %, в финансах – 63,5 %, в образовании и здравоохранении – 64,9 %, в строительстве – 52,7 %, на транспорте и в связи – 51,0 %, в торговле – 48,6 %, в промышленности – 44,0 %. (Zaniatost', 2010: 147–148). Система этнического разделения труда постепенно размывается, а вслед за ней и традиционный образ жизни.

Эти изменения фиксируются во властном дискурсе: «Мало кто заметил, что... казахи стали подлинно урбанизированной нацией не только по статистике, но и по существу... Сегодня уже во всех сферах бизнеса, менеджмента, информационно-технологической сфере, в наиболее престижных сферах широко представлено городское казахское население. Этот сдвиг принципиально важен для понимания того, что происходит в обществе. Уровень национального статуса и национальной самооценки казахов стал соответствовать статусу государствообразующей нации» (Nazarbaev, 2006).

Постепенно количественные сдвиги в структуре населения в результате сельско-

городской миграции начинают переходить в «качество». У городов появляется новая миссия – стать центрами притяжения и модернизационной трансформации. Они признаны казахами «своими» и включены в национальные социокультурные приоритеты. Сложнее – с модернизацией казахского населения на этнической городской основе.

И здесь чрезвычайно показательна языковая ситуация. В справке Института языкознания АН Казахской ССР для ЦК Компартии Казахстана отмечалось, что хотя по данным переписи 1989 г. более 98 % казахов указали в качестве родного языка казахский, «... на самом деле число не знающих или плохо знающих казахский язык достигает почти половины казахского населения. В городской языковой среде наблюдалось еще более удручающее положение» (Abylkhozhin, 2019: 422). За 1999–2009 гг. доля казахов, владеющих русским языком, выросла с 75,0 % до 92,0 (Natsional'nyi, 2000: 6–8; Natsional'nyi, 2010: 329). В 2014–2020 гг. удельный вес детей, обучающихся на русском языке, повысился с 30,6 % до 31,5 % (Asylbekov, 2021).

При этом «новые горожане» связаны с селом множеством родственных, экономических, культурных нитей. На начальных этапах городского существования конструируется своеобразное общество, базирующееся на традиционной основе: «... это проявление функционирования так называемой большой семьи, то есть целого семейного клана. А также неформальные объединения, основанные на родоплеменных признаках. Так что можно сказать, что социальную активность в Казахстане определяют сильные формы традиционного общества, слабые формы постиндустриального общества и очень слабые формы индустриального общества» (Shibutov, 2013).

Эта противоречивая динамика остро ставит проблему взаимной адаптации сельских мигрантов и городских сообществ, сельской и городской культур, казахского и русского языка. Характер (и даже вектор) этого процесса тесно связан с демографической и социально-профессиональной дифференциацией, большим региональным

разнообразием. Города также различаются по истории формирования, функциям и структуре населения. Их можно условно разделить на два типа по особенностям взаимной адаптации горожан и мигрантов (столицы требуют отдельного анализа): «автохтонный» и «европейский».

К «автохтонному» можно отнести города с преобладанием административно-распределительных функций, где достаточно давно сложилась городская казахская культура, всегда был сравнительно высоким удельный вес казахского населения, велика роль казахского языка: Актау (Шевченко), Атырау (Гурьев), Семей (Семипалатинск), Кызылорда (Кзыл-Орда), Шымкент (Чимкент) и т. д. Сюда идет интенсивный приток сельского населения, городское пространство здесь скорее этнизируется, чем модернизируется.

«Европейский» тип – русскоязычные промышленные города с соответствующей структурой населения (Усть-Каменогорск, Караганда, Павлодар, Петропавловск и т. д.). Они консервируют русскую (отчасти и советскую) культуру, приспособливают к себе сельских мигрантов. Здесь в роли «принимающего» общества выступает нетитульное, в основном русское, население, а функции «гостей» выполняют казахи – «титульные» в стране. Вопрос «Кто к кому должен адаптироваться?» приводит к различным и весьма неоднозначным сценариям. Важнейшие городские социальные ниши (властные структуры, образование, экономика и т. д.), многие десятилетия функционировали на «советской» основе и были максимально русифицированы. Инерция этого наследия быстро не преодолевается.

Именно этот вариант мы рассмотрим на примере Усть-Каменогорска, административного центра Восточно-Казахстанской области. Его историческое развитие сформировало особый состав населения, структуру экономики, образ жизни, закрепленные в названиях улиц, памятниках и других символах, фиксирующих этнокультурные предпочтения «старого» городского населения.

Основанный в 1720 году, Усть-Каменогорск на протяжении XVIII–XIX вв. играл роль военно-административного и торгового центра, форпоста Российской империи. В советские годы здесь построен комплекс предприятий цветной металлургии, горно-металлургический институт АН КазССР, филиал Всесоюзного научно-исследовательского института цветных металлов (ВНИИЦВЕТМЕТ), проектный институт Казгипроцветмет, два вуза, пять техникумов.

История и промышленная специализация города предопределили динамику этнического состава населения (табл. 1). Первыми жителями были казаки, сибирские крестьяне, ссыльные. Послевоенный бурный рост происходил за счет миграции из-за пределов Казахстана и внутриобластной миграции русского населения. Последнее полностью доминировало в Усть-Каменогорске вплоть до конца советского периода, когда начинает расти

численность казахов. В годы независимости эта тенденция радикально усиливается, что наряду с оттоком русских привело к увеличению доли казахов к 2020 г. до 46,8 %. В силу демографической динамики в ближайшие годы приток новых горожан из села должен вырасти.

Индустриальная структура занятости при этом сохраняется, но выросла доля занятых в торговле (17,8 %) и «прочих услугах» (12,2 %), т. е. преимущественно в малом и среднем бизнесе.

Статистики по этнической структуре занятости в открытом доступе нет. Косвенные данные (интервью, визуальные наблюдения, материалы СМИ) позволяют предполагать, что сложились два полюса наибольшей этнической концентрации: **1) государственное управление** – перевес казахов. **2) промышленное производство** – перевес русских. Однако казахи активно заполняют все профессиональные и социальные ниши, в т. ч. и в промышленности,

Таблица 1. Численность и этнический состав населения Усть-Каменогорска
Table 1. The number and ethnic composition of the population of Ust-Kamenogorsk

Годы	Все население	В том числе					
		Казахи		Русские		Другие	
	Численность	Численность	%	Численность	%	Численность	%
1897	8721	656	7,5	7325	84,0	740	8,5
1926	13909	684	4,9	11381	81,8	1844	13,3
1939	20141	1645	8,2	16549	82,2	1947	9,6
1959	159335	7045	4,4	133618	83,9	18672	11,7
1970	230340	11830	5,1	199240	86,5	19270	8,4
1979	274716	19019	6,9	232166	84,5	23532	8,6
1989	322781	34097	10,6	263179	81,5	25505	7,9
1999	320234	62136	19,4	238057	74,3	20041	6,3
2009	298866	79313	26,5	203499	68,1	16054	5,4
2021	348832	163296	46,8	174211	49,9	11325	3,3

Источники: Первая всеобщая перепись, 1905 г.: стр. 54–55
 Всеобщая перепись населения, 1926 г.: стр.15–18
 Всеобщая перепись населения, 1939 г.: 336–558. Таблица 27.
 Итоги всесоюзной переписи населения, 1962 г.: стр. 41–42
 Итоги всесоюзной переписи населения 1970 г.: стр.13,
 Данные Восточно-Казахстанского 1991 г.: стр. 235
 Итоги переписи населения, 2001 г.: стр.43
 Данные департамента статистики, 2009 г.
 Численность населения, 2021 г.

где они уже преобладают среди инженеров. Активно идет замещение и в рабочих коллективах. О перспективах свидетельствует ситуация с подготовкой кадров: из 5 тысяч студентов Восточно-Казахстанского технического университета (ВКТУ) казахи составляют 75–80 %. Занятия ведутся на казахском и русском языках, но 30–40 % казахов обучаются на русском языке. В магистратуре обучение организовано в основном на английском языке.

Останутся ли русский язык и русская культура атрибутами города – вопрос открытый. Пока стремление к попаданию в социально значимый слой требует от вчерашних сельчан не только образования и овладения профессией, но и знания русского, а часто и английского языка.

Этому способствует и визуальное пространство города, которое во многом формирует тип взаимоотношений его жителей. Ономастика и архитектура современного Усть-Каменогорска сформированы в советский период и этнической нагрузки не несут. Иными словами, этнизация городского пространства не произошло. После трех десятилетий независимости подавляющее большинство улиц носит «досуверенное» название. Названия магазинов, торговых центров, кафе и т. д. в центре города представлены на русском и английском языках, это говорит о том, что малый бизнес ориентирован на полиэтничное пространство «третьего места» (Oldenburg, 2014). Таким образом, Усть-Каменогорск демонстрирует вариант развития казахстанского городского пространства по «европейскому» типу. Казахи из села должны были «встраиваться» в русифицированную городскую среду, одновременно привнося в нее элементы национальной культуры. Постепенно сформировался полиэтничный русскоязычный слой из городских казахов и русских, но он видоизменяется в результате сокращения европейской части и увеличения доли сельских мигрантов. Следствием стало появление симптомов рурализации городского пространства, что тревожит коренных «усть-каменогорских» казахов, не приемлющих манеру общения, бытовое поведе-

ние «новых горожан». И если проблема межэтнических противоречий, важная для 1990-х годов, постепенно теряет остроту, то проблемы и конфликты становления казахского городского общества становятся все более актуальными.

Заключение

Сравнение провинциальных городов, задача которых – быть инструментом урбанизации и модернизации патриархального иноэтничного сельского населения округа, дает возможность выявить многие важные механизмы и последствия проектов нациестроительства.

Для уездного торгового Нижнеудинска/Улан-Удэ и мощного индустриального центра Усть-Каменогорск ситуации различны. В первом случае – это прямое назначение столицей автономии со стороны центральной власти и адресное наделение политическими, властными, экономическими, символическими ресурсами. В другом – участие, наравне с другими городами, в урбанизации и модернизации сельского общества в рамках общегосударственного проекта. Здесь нет персонального поручения и адресных ресурсов. Принципиально отличается контекст. Выстраивание бурятской автономии проводилось в многонациональной стране как часть общего проекта институционализации этничности, где сложно и противоречиво взаимодействуют параллельно проводимые процессы нациестроительства в рамках всего государства и в отдельных национальных административно-политических образованиях. В постсоветском суверенном Казахстане реализуется проект формирования государства-нации на казахской этнической основе.

Объединяет эти кейсы логика проектов, идея социальной управленческой инженерии и, что особенно важно для данного текста, понимание решающей роли города. Миссия урбанизации и модернизации «титульного» населения возложена на культурно, а также этнически иные города. Это изменяет (иногда радикально) исторически сложившуюся траекторию их

развития. Города стали мощными центрами притяжения «титульного» сельского населения и формирования на его основе общностей нового типа – «городских бурят» и «городских казахов». Их «новая» культура создается как результат сложного синтеза русского и собственного языков, культуры в жестких рамках городской экономики, социальной структуры, образа и стиля жизни.

Это сообщество настроено относительно к новой волне сельских мигрантов, которые активно, иногда даже агрессивно, вторгаются в город, принося с собой элементы традиционализма и тенденцию рурализации, становятся самостоятельным актором взаимоотношений. И это значительно меняет вектор процесса нацистроительства. Происходит динамичное, часто конфликтное взаимодействие титульных горожан, русских и новичков – сельских мигрантов – в рамках, задаваемых городом, а также политикой власти.

В силу исторических факторов город может менять свои функции и статус. Иногда быстро, внезапно и радикально. Это может сопровождаться изменением демографической, этнической и социальной структуры населения, образа жизни и характера взаимоотношений в городском сообществе. В рассматриваемых случаях данный процесс этнически маркирован. Это может отражаться в топонимике, этнической сегрегации пространства (или образе такой сегрегации), в этнически окрашенной системе разделения труда, в характере и стиле взаимоотношений простых горожан с элитными группировками. Формируется синтетическая городская культура, оппозиционная сельской.

И все это в динамике, взаимодействии различных и разнонаправленных тенденций с непредопределенным результатом. С открытым финалом – если можно вообще говорить о финале в таком процессе, как нацистроительство.

References

- Abylkhozhin, Zh.B. (2019). *Poststalinskii period v istorii sovetskogo Kazakhstana: chereda obrechennykh reform i ne sostoiavshikhsia deklaratsii (1953–1991 gg.)* [The post-Stalinist period in the history of Soviet Kazakhstan: a series of doomed reforms and failed declarations (1953–1991)]. Almaty, 422 p.
- Alekseeva, M.S., Galindabaeva, V.V. (2014). Formirovanie konstruktov elitarnosti v kontekste protsessov sotsial'noi segregatsii gorodskogo prostranstva (na primere prospekta Pobedy v g. Ulan-Ude) [Formation of constructs of elitism in the context of processes of social segregation of urban space (on the example of Pobedy Avenue in Ulan-Ude)]. In *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology], 3, 20–32.
- Amgolonova, T.D., Elaeva, I.E., Skrynnikova, T.D. (2005). *Buriatskaia etnichnost' v protsesse sotsiokul'turnoi modernizatsii (postsovetskii period)* [Buryat ethnicity in the process of socio-cultural modernization (post-soviet period)]. Irkutsk: Radian, 246 p.
- Asylbekov, Zh. (2021). Ugrozhaiut li kazakhskomu iazyku smeshannye shkoly? [Are mixed schools threatening the Kazakh language?]. In *Qmonitor* [Qmonitor]. 9.02.
- Baiandarov, S. (2010). Novye podkhody v konsolidatsii obshchestva: problemy i aspekty [New approaches in the consolidation of society: problems and aspects]. In *Kazakhstanskaia Pravda* [Kazakhstanskaya Pravda]. 26.02.
- Baldano, M., Diatlov, V., Kirichenko, S. (2017). Gorod, stavshii Domom. Ot uezdnoho Verkhneudinska k stolichnomu Ulan-Ude [The City that became Home. From the uyezd Verkhneudinsk to the capital Ulan-Ude]. In *Druzhba narodov* [Friendship of peoples]. 6, 225–235 p.
- Breslavskii, A.S. (2012). *Postsovetskii Ulan-Ude: kul'turnoe prostranstvo i obrazy goroda (1991–2011 gg.)* [Post-Soviet Ulan-Ude: cultural space and images of the city (1991–2011)]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta, 156 p.
- Buriaty* (2004) [Buryats] Ed. by L. L. Abaeva, N. L. Zhukovskaia. Moscow: Nauka, 633 p.

Buriaty v etnopoliticheskom prostranstve Rossii: ot imperii do federatsii (2017). [*Buryats in the Ethnopolitical space of Russia: from the empire to the federation*]. Ed. by P.K. Varnavskij. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi Akademii nauk, 320 p.

Buriaty: sotsiokul'turnye praktiki perekhodnogo perioda (2008) [*Buryats: socio-cultural practices of the transition period*]. Ed. by P.K. Varnavskij. Irkutsk: INO-Tsentr (Informatsiia, nauka, obrazovanie), 346 p.

Chislennost' naseleniya Kazakhstana po otdel'nym ehtnosam na nachalo 2021 goda (2021) [*The population of Kazakhstan by individual ethnic groups at the beginning of 2021*]. Komitet po statistike Ministerstva natsional'noj ehkonomiki. Nur-Sultan, 2021.

Dannye Vostochno-Kazakhstanskogo oblastnogo upravleniya statistiki (1991) [*Data from the Department of Statistics of East Kazakhstan region*]. Ust'-Kamenogorsk, 1991.

Dannye departamenta statistiki Vostochno-Kazakhstanskoy oblasti (2009) [*Data of the Department of Statistics of the East Kazakhstan region*]. Ust'-Kamenogorsk, 2010.

Dugarov, B.S. (2007). Buriatskaia geseriada – pesn' vo vremeni i prostranstve [Buryat Geseriada – a song in time and space]. In *Abai Geser Bogdo khan. Buriatskii narodnyi epos* [*Abai Geser Bogdo Khan. Buryat folk epic*]. Aginskoe: Izdatel'stvo Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi Akademii nauk, 696 p.

Dyrkheeva, G. A. (2003). *Iazykovaia situatsiia i iazykovoe zakonodatel'stvo v Respublike Buriatii* [*Language situation and language legislation in the Republic of Buryatia*]. Moscow: Izdatel'stvo RUDN, 50 p.

Dyrkheeva, G.A. (2002). *Buriatskiiazyk u usloviikhdvuiazychiia: problemy funktsionirovaniia i perspektivy razvitiia* [*Buryat language in conditions of bilingualism: problems of functioning and prospects of development*]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi Akademii nauk, 189 p.

Humphrey C. (2010). *Politicheskie transformatsii v aziatskoi chasti Rossii (antropologicheskie ocherki)* [*Political transformations in the Asian part of Russia (anthropological essays)*]. Moscow: Natalis, 384p.

Iazykoe soznanie i iazykovye ustanovki zhitelei prigranichnykh raionov vostoka Rossii: na primere Respubliki Buriatii i Zabaikal'skogo kraia (2016) [*Language consciousness and language attitudes of residents of the border regions of the East of Russia: on the example of the Republic of Buryatia and the Trans-Baikal Territory*]. Ed. by Eh. V. Khilkhanova, G. A. Dyrkheeva, L. M. Lyubimova, D. B. Sundueva. Moscow: Nauka, 174 p.

Istoriya Buriatii: v 3 t. T. 3 – XX–\$5X1 vv. (2011) [*The history of Buryatia: in 3 vols. 3 – XX–\$5X1 centuries*]. Ed. by B. V. Bazarov. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi Akademii nauk, 464 p.

Itogi perepisi naseleniya 1999 g. po Vostochno-Kazakhstanskoy oblasti (2001) [*Results of the 1999 population census in the East Kazakhstan region*]. T. 2. Almaty, 43 p.

Itogi Vsesoiuznoi perepisi naseleniia 1989 g. (1992). [*Results of the All-Union Census of 1989*] T. 2. Alma-Ata. 3 p.

Itogi Vsesoyuznoj perepisi naseleniya 1959 g. Ed. by Kazakhskaya SSR1962 [*Results of the All-Union Population Census of 1959, Kazakh SSR*]. Moscow, 13 p.

Itogi Vsesoyuznoj perepisi 1970 g. (1973). [*Results of the All-Union Census of 1970*]. T. 4. Edited by Moscow, 235 p.

Kadyrzhanov, R. (2019). Raskoloty mir kazakhov: k chemu privela rusifitsirovannaia modernizatsiia? [The split world of Kazakhs: what did Russified modernization lead to?]. In *Central Asia Monitor* [*Central Asia Monitor*]. 13.03., available at: URL: <https://news-front.info>.

Karbainov, N.I. (2009). «Ei, khunkhuz, kuda idesh?! Zdes' bratva i ty umresh!»: «ulichnye voiny' v Ulan-Ude [«Hey, hunkhuz, where are you going?! Here the lads and you're gonna die!»: «street wars» in Ulan-Ude]. In *Molodezhnye ulichnye gruppirovki: vvedenie v problematiku* [*Youth Street groups: an introduction to the problems*]. Moscow: Institute etnologii i antropologii RAN, 340 p.

Kazakhstan 2009 goda: kratkieitogi (2010). [*Kazakhstan 2009: summary results*]. Astana. 11–23 p.

Makhachkeev, A. (2010). Molodezhnye bandy Ulan-Ude [Molodezhnye bandy Ulan-Ude]. In *Inform Polis [Inform Policy]* available at: <https://www.infpol.ru/122029-molodezhnye-bandy-ulan-ude/>.

Martin, T. (2011). *Imperiia «polozhitel'noi deiatel'nosti'. Natsii i natsionalizm v SSSR, 1923–1939.* [The Empire of «positive activity». Nations and nationalism in the USSR, 1923–1939]. Moscow: ROSSLEN; Fond «Prezidentskii tsentr B. N. El'tsina», 666 p.

Migratsii i diaspory v mongol'skom mire: strategii i praktiki transkul'turnogo vzaimodeistviia (2017) [Migrations and Diasporas in the Mongolian world: Strategies and practices of transcultural interaction]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi Akademii nauk, 414 p.

Mikhailov, T.M. (1996). Natsional'noe samosoznanie i mentalitet buriatskogo Naroda [National identity and mentality of the Buryat people]. In *Sovremennoe polozhenie buriatskogo naroda i perspektivy razvitiia* [The current situation of the Buryat people and prospects for development]. Ulan-Ude, 18–25 p.

Narodnoe khoziaistvo Kazakhstana za 70 let (1990) [The national economy of Kazakhstan for 70 years]. Alma-Ata, 218 p.

Natsional'nyi sostav naseleniia Respubliki Kazakhstan. Itogi perepisi naseleniia 1999 g. v Respublike Kazakhstan (2000) [The national composition of the population of the Republic of Kazakhstan. Results of the 1999 population census in the Republic of Kazakhstan]. T.1. Almaty, 6–8 p.

Natsional'nyi sostav, veroispovedanie i vladenie iazykami v RK. Itogi natsional'noi perepisi naseleniia 2009 g. v RK. (2010) [National composition, religion and language proficiency in the Republic of Kazakhstan. Results of the 2009 National population census in the Republic of Kazakhstan]. Astana, 329 p.

Nazarbaev, N.A. (2002). Ob osnovnykh napravleniakh vnutrennei i vneshnei politiki na 2003 g. Ezhegodnoe poslanie k narodu Kazakhstana [On the main directions of domestic and foreign policy for 2003 Annual message to the people of Kazakhstan]. In *Kazakhstanskaia pravda [Kazakhstanskaya Pravda]*. 30.04.

Nazarbaev, N.A. (2006). V kazhdom serdtse – rodnaia strana [There is a native country in every heart]. In *Kazakhstanskaia Pravda [Kazakhstanskaya Pravda]*. 25.10.

Nazarbaev, N.A. (2003). Vazhno sblizhenie interesov obshchestva, biznesa i vlasti [It is important to bring together the interests of society, business, and government]. In *Rudnyi Altai [Rudny Altai]*. 4.11.

Oldenburg, R. (2014). *Tret'ye mesto: kafe, kofeyni, knizhniye magazine, bary, salony krasoty i drughie mesta «tusovok» kak fundament soobshchestva* [Third place: cafes, coffee shops, bookstores, bars, beauty salons and other places of «hangouts» as the foundation of the community]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 456 p.

Panarin, S. (2005). Etnopoliticheskaia situatsiia v Respublike Buriatii [The ethnopolitical situation in the Republic of Buryatia]. In *Baikal'skaia Sibir': iz chego skladyvaetsia stabil'nost'*. Moscow – Irkutsk: Natalis, 23–94 p.

Perepis' naseleniia Respubliki Kazakhstan 2009 goda: kratkieitogi (2010) [Population Census of the Republic of Kazakhstan in 2009: summary results]. Astana, 11–23 p.

Petrova, E.V. (2009). *Russkoe naselenie v etnosotsial'noi strukture respublik Sibiri* [Russian population in the ethnosocial structure of the Republics of Siberia]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta, 332 p.

Pervaya vseobshhaya perepis' Rossijskoj Imperii. 1897 g., Semipalatinskaya obl. (1905) [The first general census of the Russian Empire. 1897, Semipalatinsk region]. Sankt-Peterburg, 54–55 p.

Plekhanova, A.M. (2016). Verkhneudinsk v 1920-e gg.: ot uezdnogo goroda tsarskoi Rossii k stolitse sovetskoi respubliki [Verkhneudinsk in the 1920s: from the county town of Tsarist Russia to the capital of the Soviet Republic]. In *Ulan-Ude – 350 let. Istoriia, prostranstvo, obshchestvo* [Ulan-Ude – 350 years. History, space, society]. Irkutsk: Ottisk, 64–69 p.

Sarsembaeva, G. A. (2018). Kazakhi v sovremennom gorodskom prostranstve (na primere g. Ust'-Kamenogorska) [Kazakhs in modern urban space (on the example of Ust-Kamenogorsk)]. In *Mir Bol'shogo Altaia [The World of the Big Altai]*. 4, 558–575 p.

Shibutov, M. (2013). Sindrom vyuchennoi bespomoshchnosti [Learned helplessness syndrome]. In *Central Asia Monitor [Central Asia Monitor]*. 30.09.

Shmyt, Z. (2013). «Modern Nomads»: *Antropologicheskie ocherki sovremennykh buriatskikh migratsii v Rossii* [«Modern Nomads»: *Anthropological sketches of modern Buryat migrations in Russia*]. Irkutsk: Ottisk, 192 p.

Skrynnikova, T.D., Batomunkuev, S.D., Varnavskii, P.K. (2004). *Buriatskaia etnichnost' v kontekste sotsiokul'turnoi modernizatsii (sovetskii period)* [Buryat ethnicity in the context of socio-cultural modernization (Soviet period)]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo Buriatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniia Rossiiskoi Akademii nauk, 214 p.

Statisticheskii sbornik po otdel'nym pokazateliam Vsesoiuznykh perepisei naseleniia 1939, 1959, 1970, 1979 i 1989 gg.(1991) [Statistical collection on individual indicators of the All-Union Population Census of 1939, 1959, 1970, 1979 and 1989.]. Alma-Ata, 7–9 p.

Sultanbaeva, Z. (2019). Olzhas Suleimenov: «prokliatoe proshloe?» [Olzhas Suleimenov: «The cursed past?»]. In *Central Asian Analytical Network (CAAN)*[*Central Asian Analytical Network (CAAN)*. 30.01. available at: <https://www.caa-network.org/archives/15137>]

Ulan-Udeh – 350. Istoriiya i sovremennost' (2016) [Ulan-Ude – 350. History and modernity]. Ed. by B. V. Bazarov. V 2 t. T.2. XX–XXI veka. Irkutsk: Ottisk, 364 p. URL: <https://docviever.yandex.kz/>

Varnavskii, P. (2007). Etnichnost' i individual'nye strategii osvoeniia obrazovatel'nogo prostranstva v Buriatii [Ethnicity and individual strategies for the development of educational space in Buryatia]. In *Sistema vysshego obrazovaniia v sotsial'nom razvitii Tsentral'noi Azii* [The system of higher education in the social development of Central Asia.]. Moscow–Irkutsk: Natalis, 107 p.

Varnavskii, P.K., Dyrkheeva, G.A., Skrynnikova, T.D. (2003). *Buriatskaia etnichnost' v protsesse sotsiokul'turnoi modernizatsii (konets XIX – pervaiia tret' XX vekov)* [Buryat ethnicity in the process of socio-cultural modernization (the end of the XIX – the first third of the XX centuries)]. Irkutsk: Ottisk, 244 p.

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1926 g. Kazakhskaya ASSR (1928) [All-Union Population Census of 1926. Kazakh ASSR]. T. 8. Moscow, 15–18 p.

Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 g.(1939) [All-Union Population Census of 1939]. Tsentral'nyj gosudarstvennyj arkhiv Respubliki Kazakhstan. F. 1562. Op. 336. Ed. 558. Tabl. 27. L. 41–42.

Vostochno-Kazakhstanskaia oblast'. Itogi natsional'noi perepisi naseleniia Respubliki Kazakhstan 2009 goda (2011) [East Kazakhstan region. Results of the national population census of the Republic of Kazakhstan in 2009]. T. 3. Statisticheskii sbornik. By red. A. A. Smailova. Astana, 117–120 p.

Zaniatost' naseleniia v RK. Itogi natsional'noi perepisi naseleniia 2009 g. v RK(2010) [Employment of the population in the Republic of Kazakhstan. Results of the 2009 National Population Census in the Republic of Kazakhstan]. T. II. Stat. sbornik. Astana, 147–148 p.

Zhimbiev, B. (2000). *History of the Urbanisation of a Siberian City* [History of the Urbanization of a Siberian City. Ulan-Ude]. Ulan-Ude. Cambridge: The White Horse Press, 121 p. DOI: